

## **РОЛЬ ЗАКРЫТЫХ ЖЕНСКИХ ИНСТИТУТОВ МАРИИНСКОГО ВЕДОМСТВА В УСТАНОВЛЕНИИ НОВЫХ НОРМ ПОВСЕДНЕВНОЙ ГИГИЕНЫ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)**

В.В. Пономарева

*МГУ имени М.В. Ломоносова, исторический факультет, Лаборатория истории культуры,  
Москва*

*Работа основывается, прежде всего, на историко-антропологическом методе, исследующем повседневность социальных практик эпохи второй половины XIX в. Источниками при ее подготовке послужили официальные материалы Ведомства учреждений императрицы Марии, как опубликованные, так и хранящиеся в архивах; специальная медицинская литература, в том числе и периодика, а также документы личного происхождения (мемуары, переписка, дневники), имеющие особую важность для истории культуры.*

*Во второй половине XIX – начале XX в. санитарно-гигиеническое состояние жилой среды в связи с ростом городов, их промышленным развитием, увеличением плотности населения резко ухудшалось, поэтому одно из ведущих мест в медицине постепенно стали занимать исследования и практические мероприятия в области санитарии и гигиены. Внимание врачей все больше привлекала школьная повседневность, поскольку образование охватывало к тому времени все большее число подростков разных социальных слоев, становясь все более массовым.*

*Врачи-гигиенисты, изучая реальные условия школьной жизни, а также иностранный опыт, вырабатывали нормы, которым надлежало следовать в изменяющихся условиях. В это время появляются практические исследования, касающиеся буквально всех сторон повседневности учебных заведений – от питьевой воды до правильного устройства школьной мебели. Однако особую сложность для санитарных врачей того времени представляло даже не столько создание новых гигиенических норм, сколько убеждение общества в их особой важности.*

*К началу XX в. насчитывалось более 30 закрытых женских институтов Ведомства императрицы Марии, находившихся на всей территории Российской империи – от Варшавы до Иркутска. Единообразно в них училось более 9 тыс. воспитанниц, и число их из года в год возрастало. Среди других учебных заведений институты находились на особом положении (длительный опыт, тысячи подготовленных питомцев, ответственное начальство, относительно выгодные материальные условия, покровительство императорской семьи), оказались на переднем крае как исследовательской, так и практической работы врачей-гигиенистов. Здесь на практике вырабатывались гигиенические правила и нормы содержания подростков в интернате, соблюдение которых находилось под строгим контролем. Это обстоятельство было тем более важно, что в институтах воспитывались будущие матери, воспитательницы, учительницы, которым предстояло распространять полученные навыки и знания.*

*Среди серьезнейших санитарных проблем той эпохи – правильное устройство городских очистных сооружений. Институтам удалось, несмотря на препятствия, раньше многих других учреждений организовать современные водопровод и канализацию, наладить дальнейшее очищение питьевой воды. Каждый институт располагал не только банями, но и современно оборудованными умывальнями, ванными, а иногда и душевыми комнатами. Благодаря жесткой дисциплине воспитателям удавалось быстро вырабатывать повседневные гигиенические навыки, которые соблюдались всю жизнь.*

*В те времена особенно высокой была смертность, вызванная туберкулезом, поэтому врачи большое внимание уделяли свежести воздуха в помещениях. В институтах были усовершенствованы системы вентиляции, ограничено число учащихся в классе, увеличено время ежедневных про-*

гулок. В помещениях постоянно поддерживалась прохладная температура, что также способствовало закаливанию подростков. Учащимся приходилось много времени проводить за книгами в условиях ограниченного светового дня, и врачами исследовались различные системы освещения. Наиболее гигиеничным было признано электрическое, которое, однако, успели ввести лишь в ограниченном числе институтов. Новинкой для конца XIX в. явилась привычная впоследствии парта. Специалистами разрабатывалась особая школьная мебель, которая помогала бы сохранять хорошую осанку. Кроме прочего, в поле зрения врачей-гигиенистов были также школьная одежда, учебники (шрифты и качество бумаги), окраска стен, школьные доски и многое другое. Все это впервые становилось предметом обсуждения и специалистов, и общества, что приводило к значительному улучшению санитарно-гигиенических условий школьной жизни, сохранению здоровья учащихся.

Благодаря усилиям врачей и персонала Мариинскому ведомству удалось добиваться серьезных успехов в сохранении и укреплении здоровья своих питомцев. Следующий шаг состоял в распространении накопленного опыта.

Ключевые слова: историческая антропология, история культуры, городская повседневность, женское образование, патриархальность, модернизация, гигиена и санитария, Ведомство императрицы Марии, закрытые женские институты

## Введение

Многие новации, впоследствии становившиеся обычными в школьной жизни, впервые были внедрены в закрытых женских институтах (т.н. «институтах благородных девиц») Ведомства учреждений императрицы Марии<sup>1</sup>, а также в кадетских корпусах. Огромный опыт был накоплен этими закрытыми учебными заведениями в области подростковой гигиены и медицины.

Первые женские закрытые институты появились еще в XVIII в. (известнейшим среди них было Воспитательное общество благородных девиц, или иначе Смольный институт), а к началу XX в. их насчитывалось более 30. В этих учебных заведениях одновременно обучалось более 9 тыс. воспитанниц из разных социальных слоев, и численность институтов из года в год возрастала.

Повседневные гигиенические навыки, характерные для русского общества XVIII – начала XIX в.,

соответствовали нормам традиционного общества, как правило, не зафиксированным в письменной культуре. Однако зарождающийся в его недрах индустриальный уклад менял условия жизни, прежде всего горожан.

Среди важных факторов, содействовавших развитию гигиенических навыков в образованном обществе начала XIX в. важнейшую роль играл, прежде всего, пример коронованных особ (императриц-немок, воспитанных в протестантской культуре, которая на особую высоту ставила «чистоту тела и дома»), и, во-вторых, англоманство – для денди уважение к себе начиналось с облагораживания своих элементарных телесных потребностей. Как отмечает исследователь, «новая модель телесности» – ежедневные смена белья и утренние ванны – были введены в обычай английскими денди [Вайнштейн, 2005]. Русские денди (среди которых был и А.С. Пушкин) следовали их примеру. Гигиена являлась, помимо прочего, одним из средств социализации: от каждого, появившегося свете, требовались аккуратность одежды, чистота кожи, хороший запах.

Однако для того, чтобы гигиенические навыки широко распространялись, само общество должно было измениться. Особое внимание к чистоте, физическому развитию самым непосредственным образом связано с возрастанием личностного начала, когда человек стал проявлять особое

<sup>1</sup> «Ведомство учреждений императрицы Марии, состоящих под непосредственным их Императорских Величеств покровительством» включало в себя учебные и благотворительные заведения, находившиеся в ведении императрицы Марии Федоровны, после смерти которой (1828 г.) было учреждено IV Отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии, на которое было возложено заведывание всеми учреждениями императрицы Марии.

внимание к себе самому, своему телу, его физическому здоровью.

В середине XIX века в эпоху Великих реформ традиционное общество переживало глубокие потрясения, следствием чего становилась эмансипация личности. Понимание значимости каждого человека вне зависимости от его сословной принадлежности росло, что проявлялось, помимо прочего, в возрастании внимания, которое уделялось телесным потребностям человека.

Кроме того, характерной чертой эпохи становился рост авторитета естественных наук, популярности естественнонаучных знаний. Обществом все лучше осознавалась взаимосвязь гигиены и здоровья. Красноречивым индикатором внимания общества к вопросам гигиены и санитарии был рост количества публикаций на эту тему. Уже с 1870-х гг. резко возрастает количество публикаций оригинальных и переводных статей, а спустя двадцать лет увеличение их числа становится буквально лавинообразным. Во многом это обусловлено утверждением техногенной цивилизации, ухудшением условий жизни в городах, обострением эпидемиологической ситуации. Специалисты рубежа XIX–XX вв. уделяли громадное внимание самым разным сторонам проблемы, рассматривая при этом гигиену не только как медицинскую проблему, но и социальную. В России был открыт Гигиенический институт, проводились общероссийские гигиенические выставки, издавались специализированные журналы, проводились многочисленные исследования среди разных слоев населения. Несмотря на это, в современной историографии порой встречается недооценка достижений гигиенистов второй половины XIX в., которые настаивали на взаимосвязи уровня здоровья и социальных условий быта населения, и на первый план зачастую выходит единственная фигура Н.А. Семашко [Журавлева, 2006, с. 23].

### **Гигиена и санитария в закрытых женских институтах Мариинского ведомства**

Гигиенические правила для школьных заведений начинали вырабатываться и внедряться, прежде всего, в системе закрытых женских институтов Ведомства учреждений императрицы Марии. Прежде всего, потому, что это были старейшие закрытые школы, предназначенные для многолетнего проживания в одних стенах сразу большого числа детей. Кроме того, они пользовались

покровительством императорской семьи: император и императрица сами принимали непосредственное участие в управлении этими учебными заведениями, хорошо знали состояние их дел. Будучи учреждениями, включенными в государственную систему, они подчинялись строгой иерархии, жестко подчинялись своим уставам, их быт являлся строго формализованным, они подлежали постоянной проверке, а местные начальства стремились поддержать высокую репутацию своих учреждений, от чего напрямую зависела их популярность среди дворянства.

В этих учебных заведениях изначально строго предписывалось поддерживать опрятность помещений, воспитанникам прививались гигиенические навыки. Для многих поступавших в институты новинкой являлись их обязательные правила: перемена дневной рубашки на ночную, регулярная смена личного и постельного белья, прохладный воздух помещений. Императрица Мария Федоровна еще в начале XIX в. не уставала повторять институтскому начальству: «Воспитанницы должны ходить в баню по мере надобности, и каждую неделю по два раза дается им чистое белье, а постельное – по два раза в месяц» [Модзалевский, 1894, с. 18].

Воспитанниц приучали к ежедневным тщательным умываниям в холодной воде, причем классные дамы отвечали за внешний вид институток. Таков был порядок в институтах в начале XIX в. Ничего не изменилось и сто лет спустя: классные дамы в разных концах Российской империи день за днем не уставали проверять, чисты ли руки, ногти, шеи, уши их подопечных, вырабатывая в них привычки, сохранявшиеся на всю жизнь. Строгая дисциплина и четкий распорядок дня часто представляли разительный контраст с теми обычаями, к которым дети привыкали дома. Возвращаясь домой, в свои семьи, воспитанницы институтов приносили с собой гигиенические навыки, обучая им младших сестер и братьев, своих собственных детей или чужих, если им приходилось работать гувернантками и учительницами.

Институтский Устав предписывал, чтобы воспитанниц водили в баню никак не реже одного раза в две недели. Баня раз в две недели являлась обычной практикой для учащихся: так было заведено, к примеру, в университетском Благородном пансионе в XVIII – начале XIX вв. [Пономарева, Хорошилова, 2007, с. 157] и среди казеннокоштных университетских студентов первой половины XIX в. [Пономарева, 2012, с. 349].

Даже для начала XX в. подобный стандарт не являлся низким. В переводном руководстве, выдержавшем несколько изданий, читаем: «Всякий интернат безусловно должен иметь приспособления для купанья, и каждый воспитанник должен в холодное время года принимать ванну по крайней мере каждые две-три недели», там же, «где есть возможность, следует ежедневно тотчас же после вставанья принимать холодную ванну» [Бургерштейн, Нетолицкий, 1913, ч. 1, с. 483–484]. Однако в реальности гигиенические навыки оставляли желать лучшего, и в конце XIX в. врачу приходилось констатировать: «...в общем 47.5%, т.е. менее половины учащихся пользуются баней, а остальные или годами в нее не ходят, или ходят в редкие сроки» [Вирениус, 1894, с. 81]. В большинстве интернатов, подведомственным Министерству народного просвещения, вовсе не было ни ванн, ни душей, ни купален, и детей отправляли в общие городские бани.

В институтах для бань стремились устраивать особые флигели и пристройки, соединенные с основным зданием теплыми коридорами, в крайнем случае, бани располагались в нижних этажах и даже подвалах, что находили негигиеничным. С конца XIX в. бани в институтах стали повсеместно модернизировать в связи с проведением водопровода и канализации. Так, в 1898 г. в Смольном институте были устроены новые бани, оборудованные душами, «поливными рукавами для обмывания стен», мраморными и бетонными столами. В московском Николаевском сиротском институте также при бане устроены водяные души – 8 штук, «со всеми современными приспособлениями» [Медицинский отчет, 1900, с. 58, 77]. Души в то время считались, прежде всего, средством лечения, предназначенного для страдающих нервными и кожными болезнями, для закаливания ослабленного организма. Душ, как видно из специальной литературы, назначались «истеричным и нервновпечатлительным воспитанницам с хореобразными движениями мышц лица, парезом лицевого нерва и страдающим зловонным потом. Все получили видимое облегчение» [Медицинский отчет, 1900, с. 77]. Кроме того, душ рекомендовался для закаливания, чтобы предупреждать простудные заболевания.

Институтские врачи не раз обращались к Главному совету Ведомства учреждений императрицы Марии с просьбой устраивать душевые и ванны комнаты для укрепления здоровья воспитанниц. Однако не только материальные соображения препятствовали их внедрению в практику. Когда Главный совет Ведомства императрицы

Марии по предложению врачей для укрепления здоровья в 1840-х гг. внес идею устраивать в институтах души или комнатные ванны, император Николай I, уделявший большое внимание кадетским корпусам и женским институтам, наложил резолюцию: «Эта статья Мне кажется лишней и прихотливой». По всей видимости, император отстаивал непреложное правило – воспитывать будущую элиту в суровых условиях, обеспечивая лишь самым необходимым.

Спустя десятилетия, в 1890-х гг., ванны в институтах, как правило, имелись только в лазаретах, только там, где находилось для них место. Судя по отчетам, благие намерения персонала – и врачей, и начальства – постоянно наталкивались на нехватку денежных средств и тесноту помещений. Ведомство императрицы Марии, содержавшее множество благотворительных заведений, обладало ограниченным бюджетом. При этом численность опекаемых Ведомством постоянно росла, а плата, которую вносили за «своекоштных» воспитанниц, не покрывала всех расходов. Устройство ванн или даже душевых комнат, рассчитанных на полный состав воспитанниц института, требовало сверхбюджетных расходов, ведь их оборудование стоило довольно дорого, оно являлось по-прежнему новинкой. Чтобы разместить необходимое количество ванн и душей, нужны были особые, оборудованные помещения, а лучше – даже отдельные здания, в которых следовало также устраивать «раздевальные комнаты» со шкафами. В начале XX в. душ начинает входить в институтский обиход. Так, в московском Дворянском институте прием душа воспитанницами становится привычной гигиенической мерой в 1913 г. [Отдел Письменных источников Гос. исторического музея. Ф.310. Ед. хр. 140. Л. 66 об.].

Врачам большинства институтов удалось в конце XIX в. ввести в практику правило непременно «делать ванну» всем девочкам, которые возвращались в свое учебное заведение из дома после каникул. Это было необходимо, так как в немалом числе семей гигиенические навыки продолжали оставаться на низком уровне. Например, начальница мариинского Кубанского института А.М. Казаринова в 1898 г. сетовала, что институт дома «никто не воспитывает, да и родители, большей частью бедные люди, удрученные хозяйством, не имеют времени обращать внимание на те внешние мелочи, которые не ускользают от опытного глаза настоящей воспитательницы... сколько раз за время моего управления приходили девочки в сыпи и с шелушением кожи» [Пятидесятилетие..., 1913, с. 42].

Необходимость пропаганды элементарных гигиенических навыков доказывают многочисленные публикации в популярных дамских журналах начала XX в. Адресатами советов гигиенистов являлись взрослые женщины, которые не получили необходимых уроков в детстве. Корреспондент столичного «Журнала для хозяек» накануне Первой мировой войны рекомендовала своим читательницам принимать ванны каждый день, а того лучше – утром и вечером, и при этом замечала: «Я знаю вполне интеллигентных женщин, которые берут ванны не чаще одного раза в неделю» [Журнал для хозяек, 1912, с. 15–16]. На самом же деле «взять ванну» при всем желании могло лишь незначительное число горожан; в подавляющем большинстве городских квартир ванн просто не было. Многим приходилось довольствоваться обливанием себя водой из ковшика и обтиранием губкой, стоя в переносной ванночке, тазу или модной английской новинке – «тэбе» (от англ. «tub»).

Для каждодневных водных процедур в институтах существовали умывальни при дортуарах. Во многих воспоминаниях институток сохранились их описания. Общий вид умывален и в середине XIX в., и в начале XX в. был примерно одинаков: большая комната с медным желобом с рядом кранов над ним. Воспитанница середины XIX в. вспоминает: «Накинув капоты, мы шли в большую, светлую и чистую умывальню, где было несколько кранов над обитыми медью ящиками, шедшими вдоль двух стен. Почти все воспитанницы трех старших классов мыли каждый день шею холодной водой» [Васильева, 1903, с. 160]. В конце XIX века в обиход вошло ежедневное обтирание холодной водой до пояса. Для поддержания порядка при умывальной постоянно дежурила горничная – «дортуарная девушка», которая там же и спала.

Усовершенствования в умывальнях касались, прежде всего, числа кранов (их было слишком мало, и приходилось долго ждать своей очереди, достаточным считалось иметь один кран на четырех воспитанниц) и снабжения умывален водой постоянной температуры. В конце XIX в. стали устанавливать умывальники при входе в классные комнаты, чтобы девочки могли мыть руки в течение дня, тогда же в институтах стали появляться первые биде.

Медленно шла выработка норм, привычек, которые позже воспринимались как элементарные. Передовой гигиенической мерой стала инициатива Оренбургского института, где каждой воспитаннице «выдавали по кусочку миндального

мыла местного изготовления по выбору врача», причем «она обязана свое мыло беречь аккуратно, пользоваться только лично, не передавая подругам». В своем медицинском отчете врач с удовлетворением отмечал: спустя два года после применения этих мер он мог утверждать, что «результаты получились более чем удовлетворительные»: «все заболевания кожи лица, зависевшие от механических раздражителей и пыли, уменьшились в числе» [Медицинский отчет., 1899, с. 37] (Подобный порядок был заведен и в кадетских корпусах «для соблюдения полнейшей чистоплотности»). В специальном Врачебном совещании в Ведомстве было принято решение распространить подобный порядок на все институты. Выбор качественного мыла централизованно для всех было поручено Фармацевтическому обществу, которое должно было провести анализы представленных образцов мыла и выбрать из них подходящее.

Женские институты Ведомства императрицы Марии или, как их именовали в обществе (часто с иронией), «институты благородных девиц», несмотря на все стремления соответствовать современным требованиям и давать своим питомицам качественные воспитание и образование, подвергались постоянной критике, как заслуженной, так и несправедливой. Характерен следующий пример. Врач А.С. Вирениус, говоря о времени, которое затрачивалось в учебных заведениях на туалет и молитву, констатировал, что максимум (до 1.45 час в сутки) принадлежит женским институтам и военным корпусам, «однако не потому, чтобы в соблюдении чистоты и опрятности в заведениях этих видели существенно важное гигиеническое условие, но потому что в часы туалета барышнями преследуются цели служения, главным образом, моде и кокетству... т.е. часы туалета отвечают целям менее всего гигиеническим... Не отрицая необходимости для девиц выполнения известных требований моды и кокетства, а для кадет служения нуждам воинским, мы в то же время считаем должным настаивать на том, что для всех людей... выставляются гигиеной неизбежные обязательные требования...» [Вирениус, 1894, с. 53]. Понятно, что воспитанницы институтов затрачивали на умывание много времени не только потому, что их ожидал неприменный тщательный (и непременно публичный!) осмотр со стороны строгих классных дам, но и потому, что институтская умывальня – отнюдь не спальня родного дома, и здесь перед умывальниками выстраивались очереди, порой приходилось производить гигиенические процедуры в несколько смен. О

«моде и кокетстве» в институтах вряд ли можно было говорить, поскольку здесь придерживались строгого единства в форменной одежде, прическах, этикете, языке. Бывшая институтка, эмансипированная дама-журналистка, вспоминала: «Девочки, отданные с восьми-десяти лет в институт, привыкали к спартанскому образу жизни. Мыло и холодная вода были их единственными косметиками. Чистота, красивый бант у передника, да разве еще тонкая талия были единственными проявлениями кокетства» [Лухманова, 1903, с. 88]. Институтки были приучены к неукоснительному соблюдению всех мер гигиены, и привычка к чистоте оставалась с ними на всю жизнь. Очевидно, что они тратили больше времени на гигиену, чем среднестатистический школьник, не имевший над собой строгого и постоянного надзора.

Техногенная цивилизация кардинально меняла среду обитания человека, ставила перед обществом все новые проблемы. Обе столицы и губернские города, в которых размещались институты, росли, увеличивалась плотность населения, санитарные условия проживания горожан. Профессионалы утверждали, что «от правильной канализации безусловно зависит заболеваемость и смертность городского населения» [Домовладелец, 1896, с. 27–30], обращали внимание на качество питьевой воды и воздуха.

Важнейшей задачей местных администраций институтов стала организация современной канализации, и в 1890-х гг. их стремления после долгих усилий в целом увенчались успехом. Год за годом, постепенно во всех институтах производилась реконструкция: «везде устроена система ватер-клозетов, кое-где попадают примитивные отхожие места для служительского персонала. Во дворе самих заведений канализация устроена довольно тщательно», исключениями являлись всего четыре института, два из которых предназначались к капитальному ремонту [Медицинский отчет..., 1895, с. 38].

Для сравнения приведем статистику, касающуюся обычного городского жилья. В конце XIX в., пишет специализированный журнал, в Москве 52.2% квартир не имели «особых ретирад», 32.7% располагали ими, а в 15.2% есть уже ватерклозеты. Иначе говоря, констатировал эксперт, половина квартир не имеют не только теплых, но и холодных помещений для необходимых удобств [Домовладелец, 1896, с. 143]. Обустройство московской канализации рассчитывали закончить лишь в 1919 г. Из ватерклозетов наибольшее распространение получила так называемая «русская система» (или «русский горшок»). В наиболее ком-

фортабельно устроенных квартирах находились не только ватерклозеты, но даже уже и биде, но такого жилья было ничтожно мало [Сцены московского дворянского быта..., 2001]. Таким образом, воспитанницы женских институтов оказались во вполне комфортных современных условиях по сравнению с большинством городского населения России той эпохи.

В России систематически проводили Международные гигиенические съезды, активно работала Комиссия по распространению гигиенических знаний при Обществе русских врачей памяти Н.И. Пирогова, с популярными и научными лекциями и статьями выступал профессор Ф.Ф. Эрисман. Слово «гигиена» звучало в конце XIX – начале XX веков столь же часто, как ныне слово «экология».

В специальной периодике отмечалось, что по смертности Россия находится «впереди всех европейских государств» (на тысячу жителей Петербурга – 28.6 умерших, в Лондоне – 15, в Париже – 14). Одной из причин высокой смертности являлось антисанитарное состояние городской среды [Как хворает и умирает..., 1909, с. 544–545]. Вспышки холеры в русских городах практически не прекращались. Как «холерные» в историю вошли 1892-й, 1893-й, 1894-й годы, унося с собой тысячи жизней. Подчеркивая драматизм ситуации, корреспондент говорит о том, что «с мая 1902 г. по февраль 1906 она (*т.е. холера*) ни на месяц не покидала Россию» [Городское дело, 1910, с. 1003].

Серьезнейшей заботой институтских врачей постоянно являлась питьевая вода. Воду кипятили в кубах, но ее было недостаточно для всех нужд. В конце концов, во всех учебных заведениях Ведомства были установлены фильтры для воды [Медицинский отчет..., 1895, с. 332; Медицинский отчет..., 1897, с. 21]. Однако следовало еще научиться правильно эксплуатировать эти фильтры. Институтские служители не всегда их вовремя чистили, и тогда они становились источниками заразы. Так, в московском Павловском институте в 1895/1896 учебном году брюшным тифом заболело 14% воспитанниц (39 человек), и местный врач полагал, что «во всем виноват стерилизационный аппарат Ягна». Но комиссия пришла к выводу, что «виноват не аппарат Ягна, а плохое наблюдение за ним». В следующем учебном году в институтах были даже «выработаны более подробные и точные правила, чем изданные самой фирмой Ягна» [Медицинский отчет..., 1900, с. 58]; повсеместно ввели строжайший надзор за постоянной чисткой фильтров, и проблема была устранена.

Положительный эффект имело строительство современного водопровода и канализации. Например, даже в портовом южном городе Одессе, который по объективным показателям имеет много «факторов риска», после постройки канализации в 1890-е гг. прекратились вспышки брюшного тифа, «холера же дала отдельные случаи, тогда как в России она свирепствовала» [Городское дело, 1910, с. 1250].

Но холера не была в те времена единственным врагом – вспыхивали также эпидемии тифа, дифтерита, распространенными заболеваниями были сифилис, малокровие, настоящим бичом времени являлся туберкулез. Устрашающая статистика туберкулезных больных заставляла обращать особое внимание на воздух, которым дышали дети.

Школьные врачи обращали внимание на то, что сорок детей сидели часами в одном помещении, и воздуха не хватало. В обыкновение в те годы вошел способ измерения помещения не в квадратных саженях, а в кубических, причем это был стандартный способ, принятый на вооружение также и при аренде или покупке жилья. Ныне мы измеряем жилье в квадратных метрах, и объем воздуха в расчет не принимается. Врачам приходилось бороться с общепринятыми предрассудками: «Особенно родители боятся простудить ребенка, и врачу трудно бывает добиться чистого воздуха в комнате больного, или поставить согревающий компресс или лед, без которых трудно бывает обойтись при известных обстоятельствах» [О преподавании гигиены, 1899, с. 420].

Институтские врачи скрупулезно следили за воздушной средой в своих учебных заведениях. Помещения институтов были обследованы, определены их объемы, по мере возможности способы вентилирования совершенствовались. В окна устанавливали рамы с фрамугами, устраивали в наружных стенах зданий каналы для притока воздуха, в спальнях, ваннах и уборных воздух очищался также каминами.

К концу XIX века разрабатывались нормы количества учеников в одном классе. Зарубежные авторы-гигиенисты полагали, что «даже в народной школе не должно быть ни в каком случае больше 50 человек в классе». Так, указ правительства Пруссии в 1894 г. максимальной цифрой для женских школ полагал 40 учениц; англичане считали нормой не более 40 детей для старших, и не более 50 для младших классов; во Франции максимальное число учеников также равнялось 50; в Норвегии максимум составлял 30 учеников, а в Австрии – 40 [Бургерштейн, Нетолицкий, 1913, ч.

2, с. 93–94]. И, наконец, московское земство в 1898 г. постановило, что норма должна составлять не более 50 человек в одном классе.

В женских институтах Ведомства императрицы Марии норма количества учащихся была установлена намного раньше – Уставом 1855 г. Если число воспитанниц в одном классе хоть на одну ученицу превышало 40 человек, то администрации института следовало открывать параллельный класс.

Еще одной серьезной проблемой, на которую постоянно обращали внимание в своих отчетах врачи, было освещение. Самым распространенным осветительным прибором являлась керосиновая лампа. Врачи постоянно критиковали «керосинки», несмотря на то, что изобретатели постоянно совершенствовали эти лампы, придумывали особые абажуры («контр-абажуры», «контр-отражатели» для правильного рассеивания света), стараясь сделать их безопаснее. Для врачей же были очевидны недостатки керосинового освещения – лампы повышали температуру в помещениях, выделяли углекислоту, сушили воздух, загрязняли его копотью, вызывая, таким образом, и головные боли, и даже малокровие [Медицинский отчет..., 1913, с. 96]. В условиях примитивной вентиляции эти недостатки становились еще более очевидными. Некоторые медики указывали, что даже старомодные свечи, подаваемые на каждый стол, были бы гигиеничнее.

Наиболее гигиеничным считалось электрическое освещение: врачи не уставали указывать, что электрические лампы, ярко светившие, при этом не повышали температуры в помещении, не вызывали излишней сухости воздуха, не выделяли копоти, были менее пожароопасными. Но внедрить эту новинку было не так-то просто, причем не только из-за недостатка денежных средств. Еще не существовало разветвленной системы городского электрического снабжения, к которой можно было бы подключиться, и необходимо было устраивать собственную электрическую станцию.

Строгие институтские правила издавна предписывали, что в институтских помещениях не должно было быть слишком тепло; холод воспринимался здесь как оздоровительное средство. Не случайно воспоминания институток полны жалоб на холод: «первое время страдала я ужасно и от холода», – вспоминает одна из них. Дома, даже в натопленных комнатах, ее тщательно укутывали, теперь же она жила в помещениях, где, согласно институтскому Уставу, температура не должна была превышать 14 градусов по Реомюру (17.5

по Цельсию). Зато, вспоминала мемуаристка далее, впоследствии она так привыкла к холоду, что «никогда не могла носить зимой дома шерстяных кофт, а только легкие летние» [Васильева, 1903, с. 164]. Начальницы институтов предписывали классным дамам фиксировать в ежедневных журналах температуру в классном помещении и строго следили за соблюдением этого предписания – как и в остальном, контроль над принятыми правилами в институтах был жесткий. Например, начальница Дворянского института в Москве О.А. Талызина, проверяя дневники, которые вели классные дамы, неизменно обращала внимание на это внимание своих подчиненных: «Особое замечание. Вторично напоминаю о своем желании иметь утреннюю и вечернюю температуру класса и дортуара в ежедневном отчете» [Отдел Письменных источников Гос. исторического музея. Ф. 310. Ед. хр. 134. Л. 15]

Начальство Ведомства императрицы Марии предписывало, чтобы институтские воспитанницы «имели достаточное движение», как можно чаще гуляли на свежем воздухе. Девочек следовало занимать «приличными играми», требующими движения, летом – в саду, зимой в залах [Селезнев, 1878, с. 161]. В дворянском быту подобные навыки практически отсутствовали, и институтские дамы часто противились предписаниям начальства, считая, что не следует отнимать время на физические упражнения от учебных занятий.

Еще в середине XIX века прогулка институток имела торжественный вид и весьма мало отвечала оздоровительным целям: девочки вышаживали летом в городской сад «стройными рядами под предводительством классных дам. Впереди шествия выступал наш швейцар с булавой, а позади всего отряда институток ехала карета с доктором, фельдшером и необходимой аптекой на всякий случай» [Новоселова, 1911, с. 99]. Людей того времени пугали и свежий прохладный воздух, и подвижные игры, считавшиеся неподобающими для девиц.

Новшества с трудом внедрялись в повседневную жизнь: непросто было убедить воспитателей в необходимости физических упражнений, среди плотного учебного расписания было сложно выкроить необходимое для них время, нужно было подготовить помещения, оборудовать сад.

Зимой задача усложнялась: необходимо было проследить за одеванием сорока институток в громоздкие костюмы той эпохи, затем проверить, чтобы все было почищено и просушено, и т.д. В медицинском отчете отмечалось: «Со стороны ад-

министрации институтов главнейшим неудобством для утренних общих прогулок выставляется затруднительность выдавания верхнего платья (драповые кофточки, зимние бурнусы и т.п.), причем на одевание, раздевание и уборку приходится тратить больше времени, чем на саму прогулку (1/2 часа)» [Медицинский отчет., 1897, с. 27].

Институтским врачам приходилось вести настоящую борьбу с местным начальством за внедрение прогулок и гимнастики, постоянно доказывая их необходимость для здоровья воспитанниц, проводящих без всякого движения долгие часы в переполненных классах.

Правило устраивать прогулки «во всякую погоду» выполнялось далеко не везде. Раз за разом Ведомство учреждений императрицы Марии издавало приказы, требующие соблюдать это требование. Таков, к примеру, был циркуляр № 17556 от 10 ноября 1891 года «О необходимости выводить воспитанниц закрытых заведений для прогулок на открытом воздухе и о внесении в еженедельные рапорты, доставляемые в Главное управление, сведений об этих прогулках» [Циркуляры по ведомству., 1906, с. 91].

Инспектор по медицинской части в Ведомстве учреждения императрицы Марии раз за разом отмечал, что прогулки институток не ежедневны, что они «отклоняются под различными предлогами». Лишь строгий надзор за выполнением предписанного «сверху» мог обеспечить его выполнение. По требованию Главного управления институтское начальство должно было вносить в еженедельные рапорты сведения о прогулках на открытом воздухе, на которые необходимо было выводить институток ежедневно, предписывалось всякий раз обосновывать причины, препятствовавшие прогулкам. Время прогулок, их продолжительность фиксировались в обязательном порядке для каждого класса в особых журналах, где также отмечалось поименно, кто не выходил на прогулку и почему. Читаем, например, «Дневник» V класса Дворянского института за 1906/1907 учебный год: «От 8 1/2 – 9 ч. ут. гуляли; не выходили: Потулова – из предостор.; Верховцева и Геника – сильный насморк; Володимерова I – голова болела» [Отдел Письменных источников Гос. исторического музея. Ф. 310. Ед. хр. 143. Л. 10 об.].

Постоянный жесткий контроль со стороны столичного начальства, неустанные усилия местных врачей со временем привели к определенному перелому в сознании институтских директрис и классных дам. К концу XIX в. врачи отмечали, что администрация институтов, как правило, уже



стремилась увеличить число и продолжительность ежедневных прогулок, кроме двух положенных по уставу – в полдень и после обеда. В некоторых институтах удавалось выводить девочек на третью, утреннюю прогулку – перед началом уроков.

В 1890-е гг. во многих институтских садах устраивались гимнастические приспособления – летние и зимние: простые горы для катания, площадки для беганья на коньках, для лаун-тенниса и крокета, «гигантские шаги».

Боязнь за здоровье воспитанниц, повышенная забота об их безопасности со стороны местных начальниц и классных дам не возникли на пустом месте: слишком высока была детская смертность. Несчастные случаи эту картину усугубляли. Например, в один год в петербургском училище Ордена св. Екатерины случились две трагедии: одна воспитанница утонула в институтском пруду, а вторая, катаясь на коньках, упала и ударила головой об лед, что привело к тяжелому сотрясению мозга и смерти [Медицинский отчет., 1907, с. 79].

В сферу внимания гигиенистов как западных, так и русских, во второй половине XIX в. попала и школьная мебель (а также ранцы, форма и пр.) [Брандт, 1888; Рейх, 1887; Чернолуцкий, 1911 и др.]. Прежде ученики размещались на многоместных партах, которые отныне оценивались как «антигигиеничные и антипедагогичные» и вытеснялись парными (В привилегированном московском Дворянском институте в 1840-е гг. использовали пятиместные парты). Как и гимнастика, правильно оборудованные парты должны были способствовать выработке и сохранению правильной осанки. К концу XIX в. было изобретено уже более 200 систем школьных парт, приспособленных для разных возрастов и размеров: «детский учебный стол Ликкерта», «школьные столы системы Ферэ» и др.

По заключению одного из специалистов, «предпочтение должно быть отдано двуместной парт новой системы д-ра Эрисмана. Передняя часть крышки откидывается, сиденье тоже откидное. Спинка из двух брусьев дает опору крестцу и спине. Прочная конструкция» [Физическое воспитание., 1913]. Хотя самыми гигиеничными считались одноместные, они вместе с тем были гораздо дороже и требовали больше места, поэтому распространения они в то время получить не могли.

Впервые школьный отдел был устроен на Гигиенической выставке 1893 г., где широко были представлены институты: «Отдел Ведомства

учреждений имп. Марии выделялся среди прочих особенно резко, как по богатству внутреннего содержания, так и по роскошной внешней обстановке. Обилие всевозможных моделей, множество предметов вещевого довольствия, принадлежностей классов, столовой, спален, лазаретов и т.п. отличали отдел от соседних» [Вирениус, 1894, с. 22].

В сотрудничестве с администрацией Ведомства врачи представили образцы институтского обихода с полной открытостью, ничуть не приукрашивая реальное положение вещей. Были выставлены белье, спальные принадлежности, посуда, парты, школьные доски, образцы окраски стен, осветительные приборы, шрифты и качество бумаги учебников, а также постоянная мишень критики – форменная одежда институток.

Известный в те годы гигиенист А.С. Вирениус подверг жесткой критике представленные данные об институтском укладе жизни и образцы. Он писал, что воспитанницы сидят в четырех стенах за работой около полусуток, поскольку занятий в женских учебных заведениях больше, чем в мужских. Единственное, что заслужило его одобрения – площадь помещений, садов и дворов, которым, по его утверждению, могли позавидовать остальные учебные заведения России. Причем этим завидным достоинством отличались не только институты, но и приюты Ведомства, рассчитанные на самые обездоленные слои населения [Вирениус, 1894, с. 25, 27].

Гигиенист А.С. Вирениус исходил в своей критике из умозрительных представлений об идеале учебного заведения. Однако русская реальность была далека от идеала. Спустя несколько лет в Русском обществе Охраны народного здоровья доктор Д.П. Никольский прочитал доклад «Медико-санитарная организация в учебных заведениях Ведомства имп. Марии», в котором использовался сравнительный материал. Докладчик начал с утверждения, что лишь в немногих наших учебно-воспитательных заведениях стремятся выполнять требования врачей и школьной гигиены. К числу таких учреждений, по его мнению, относится Ведомство императрицы Марии. При поступлении в институт каждая воспитанница подвергается подробному медицинскому осмотру, что имело громадное значение не только в практическом отношении, но и в научном: «Насколько сравнительно полны сведения о заболеваемости учащихся в институтах, настолько же неполны в гимназиях; а из некоторых и совсем нет». Так и в отношении санитарно-гигиенических условий многие институтские помещения «не впол-

не отвечают требованиям гигиены», в то время как гимназии в этом же отношении «совершенно неудовлетворительны»; во всех гимназиях «теснота в классных помещениях стоит ниже предельных норм гигиены, большинство из них помещается в частных домах и далеко не отвечает даже скромным санитарным требованиям» [Никольский, 1900].

Усилия врачей, управляющих и воспитателей в Ведомстве учреждений императрицы Марии, заслужили высокой оценки со стороны гигиенистов: «Ведомство... в последние годы так много сделало для улучшения внешнего быта вверенных ему детей, так существенно улучшило их обстановку, пищу, медицинский уход, что очередь теперь за улучшением учебной собственной части, в которой одной лишь, быть может, институты Ведомства уступают лучшим соответствующим учебным заведениям Западной Европы» [Бобровников, 1900, с. 172].

По убеждению врачей и педагогов воспитанницы должны были в своем учебном заведении получать не только практические гигиенические навыки, но и теоретическую подготовку по санитарно-гигиеническим вопросам. Предполагалось, что именно через подготовку будущих матерей и воспитательниц навыки санитарии и гигиены быстрее привьются в обществе. Преподавание гигиены как самостоятельного учебного предмета в учреждениях Ведомства, постепенно вводившееся с конца XIX в., началось раньше, чем в других женских учебных заведениях.

Необходимость введения этого предмета обосновывалось тем, что «на обязанности женщины по выходе ее из учебного заведения и вступлении в жизнь лежит в большинстве случаев ответственная забота о рациональном воспитании детей». Здравому смыслу исполнено ходатайство начальницы Донского института о введении там преподавания гигиены: большинство воспитанниц «по окончании курса уезжают надолго, а иногда навсегда в станицы, на хутора и другие отдаленные места, где о рациональной гигиене не имеется понятия, и где полученные ими сведения по этому предмету особенно могут быть полезными» [Всепопданнейший отчет..., 1904, с. 62].

Вслед за институтами преподавание гигиены было распространено и на женские гимназии Ведомства, однако «до введения преподавания гигиены в остальные учебные заведения [было] еще очень далеко». Русские врачи полагали необходимой эту меру – введение нового актуального предмета в учебную программу остальных женских учебных заведений, поскольку в «семьях, где

родители не получили никакого образования, дети предоставлены большей частью самим себе, и вот для таких-то лиц особенно необходимо ввести преподавание гигиены», и тогда, получив уроки санитарии и гигиены, они постепенно привыкнут сами заботиться о своем здоровье [О преподавании гигиены..., 1899, с. 419].

## Заключение

Во второй половине XIX века в связи с ростом городов и увеличением плотности населения санитарное состояние жилой среды в России резко ухудшилось. Одним из ведущих направлений медицины стали исследования и практические мероприятия в области санитарии и гигиены. Пристальное внимание врачей, как Европы, так и России привлекала школьная повседневность, поскольку образование охватывало к тому времени все большее число подростков разных слоев населения, становясь все более массовым. Учебные заведения Ведомства императрицы Марии во второй половине XIX – начале XX вв., находившиеся в особом положении (богатый опыт, тысячи подготовленных питомцев, ответственное начальство, материальные условия, покровительство императорской семьи), оказались на переднем крае как исследовательской, так и практической работы врачей-гигиенистов. Здесь вырабатывались гигиенические правила и нормы содержания подростков в интернате, соблюдение которых находилось под строгим контролем. Это обстоятельство было тем более важно, что в институтах воспитывались будущие матери, воспитательницы, учительницы, которым предстояло распространять полученные навыки и знания. Благодаря усилиям врачей и персонала Ведомству удалось добиться серьезных успехов в сохранении и укреплении здоровья своих питомцев. Следующий шаг состоял в распространении накопленного опыта.

## Библиография

- Бобровников Н.А.* К вопросу о нормировке жизни воспитанников и воспитанниц закрытых учебных заведений // Русская школа. СПб., 1900. № 1.
- Брандт А.Ф.* Гигиена школьной скамьи и описание новой скамьи на всякий рост. Харьков, 1888.
- Бургерштейн Л., Нетолицкий А.* Руководство по школьной гигиене. В 2-х ч. СПб., 1913. (2-е русск. изд.)

- Вайнштейн О.* Денди: мода, литература, образ жизни. М.: Новое литературное обозрение, 2005.
- Васильева А.* Дома и в институте (из воспоминаний конца 50-х и начала 60-х годов) // Русская школа. СПб., 1903. № 7/8.
- Вирениус А.С.* Школьный отдел на Первой всероссийской гигиенической выставке 1893 г. СПб., 1894.
- Вирениус А.С.* Распределение времени для учащихся в России и на Западе. Опыт установления норм этого распределения в школьном возрасте. М., 1894.
- Всеподданнейший отчет по Ведомству учреждений императрицы Марии за 1900 год. СПб., 1904.
- Городское Дело. СПб., 1909. № 23.
- Городское Дело. СПб., 1910. № 15–16.
- Домовладелец. СПб., 1896. № 2.
- Домовладелец. СПб., 1898. № 8.
- Журавлева И.В.* Отношение к здоровью индивида и общества. М., 2006. С. 23.
- Журнал для хозяек. СПб., 1912. № 2.
- Как хворает и умирает столица // Городское Дело. СПб., 1909. № 11.
- Лухманова Н.А.* Двадцать лет назад (из институтской жизни). М., 1903.
- Медицинский отчет по Ведомству учреждений имп. Марии за 1891–1892 и 1892–1893 гг. СПб., 1895.
- Медицинский отчет по Ведомству учреждений имп. Марии за 1894–1895 гг. СПб., 1897.
- Медицинский отчет по Ведомству учреждений имп. Марии за 1896–1897 гг. СПб., 1899.
- Медицинский отчет по Ведомству учреждений имп. Марии за 1897–1898 гг. СПб., 1900.
- Медицинский отчет по Ведомству учреждений имп. Марии за 1904–1905 гг. СПб., 1907.
- Медицинский отчет по Ведомству учреждений имп. Марии за 1909–1910 гг. СПб., 1913.
- Модзалевский Л.Н.* Императрица Мария Федоровна и ее первый женский институт. СПб., 1894. С. 18.
- Никольский Д.П.* Медико-санитарная организация в учебных заведениях Ведомства имп. Марии. Доклад IV отделению русского Общества охраны народного здоровья 13 ноября 1899 г. СПб., 1900.
- Новоселова Е.М.* Воспоминания 50-х годов // Русская старина. СПб., 1911. Т. 148. № 10.
- О преподавании гигиены в женских средних учебных заведениях // Мозаика «Нового мира». СПб., 1899. № 14.
- Отдел письменных источников Гос. исторического музея. Ф. 310.
- Пономарева В.В.* Студенты // Университет для России. Т. 4. Московский университет николаевской эпохи. М.: Издательство МГУ, 2012.
- Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б.* Повседневность университетского Благородного пансиона // Университет для России. Т. 3. М.: Новый Хронограф, 2007.
- Пятидесятилетие Кубанского мариинского женского института. 1863–1913 г. Екатеринодар, 1913.
- Рейх, д-р.* Гигиеническая школьная или классная лампа с целесообразным контррефлектором и большим абажуром. Тифлис, 1887.
- Селезнев И.* IV Отделения собственной его имп. величества Канцелярии. Хроника Ведомства учреждений, сост. под непосредственным их имп. покровительством. СПб., 1878.
- Сцены московского дворянского быта начала XX в. // Московский журнал. М., 2001. № 1.
- Клосовский И.А.* Физическое воспитание и школьная гигиена по данным Всероссийской гигиенической выставки 1913 год. Отчет о командировке на выставку директора Кишиневской императора Александра I Благословенного гимназии. Одесса, 1913.
- Циркуляры по Ведомству учреждений имп. Марии за 1890–1905 гг. СПб., 1906.
- Чарнолуцкий В.* Школьная гигиена, санитария и архитектура. СПб., 1911.

Контактная информация:

*Пономарева Варвара Витальевна:* e-mail: v1789@mail.ru.

## **THE ROLE MARIINSKY'S GIRLS' BOARDING COLLEGES PLAYED IN THE ESTABLISHMENT OF NEW NORMS OF DAILY HYGIENE (FROM THE SECOND HALF OF NINETEENTH CENTURY TO THE BEGINNING OF TWENTIETH)**

V.V. Ponomareva

*Lomonosov Moscow State University, Faculty of History, Department of Russian History of the Nineteenth and Early Twentieth Centuries, Centre for the History of Russian Culture, Moscow*

*Above all this work is based on the historical-anthropological method, which explores daily social practices of the second half of nineteenth century. Among the sources of information used for preparation were official documents of empress Maria's establishments, both published and those kept in archives; specialized medical literature, including periodicals; and documents of personal nature (memoirs, correspondence, diaries), which are particularly important to cultural history.*

*In the second half of nineteenth – beginning of twentieth century, sanitary and hygienic conditions of living surroundings were worsening significantly due to expanding cities, industrial development, and increased growth of population; and, therefore, the study and practice of sanitation and hygiene became one of the leading branches of medicine at a time.*

*Daily school life attracted the doctors' attention more and more, as by then education encompassed young people from increasingly different social backgrounds – it was becoming more of a mass phenomenon.*

*Hygienist doctors explored both the real-life school conditions and foreign expertise and experience, and defined new rules, which were to be followed in these changing conditions. It is during this period when practical studies were being carried out, which involved everything from drinking water to the correct way of constructing school furniture. The main difficulty for the doctors at a time, however, was not the setting out of the new norms, but persuading the society of their importance.*

*At the start of the twentieth century, there were more than 30 closed girls-only boarding schools under the establishment of Empress Maria throughout the Russian empire from Warsaw to Irkutsk. The schools counted more than 9 thousand students, and that number grew every year. These colleges were ahead of other schools (a lot of experience, thousands of well-prepared students, good management, relatively good funding, patronage of the royal family), and they were at the forefront of both the study and practice of these hygienists-doctors. Here in practice they developed hygiene rules and norms for young people living in a boarding house, the rules which were strictly maintained. This was particularly important, as the colleges brought up future mothers, governesses and teachers, who were destined to share and spread these habits and knowledge.*

*The correct construction of municipal cleansing and purifying systems was one of the major problems of the time. The colleges managed before other establishments to organize modern water supply and plumbing and sewage systems, and to arrange further purifying of drinking water. Every college had bathhouses, water closet rooms with modern equipment, baths and occasionally even shower rooms. As a result of strict discipline, teachers were able to instill daily hygienic skills, which were maintained for the rest of the students' lives.*

*Mortality rate from tuberculosis was particularly high at a time, which is why the doctors paid particular attention to the freshness of the air inside. Ventilation systems in colleges were refined; the amount of students in classes brought down; and daily walks were made longer. Room temperature was cool, which helped the students get used to the cold in general. The students had to spend a lot of time studying during scarcely lit days, so the doctors explored various lighting systems. Electric lighting was considered the most hygienic, but it was only implemented in some colleges. A new development at the end of the nineteenth century was what we now view as a standard desk. Other school furniture was especially designed to ensure good posture. Specialist hygienist doctors developed school clothes, textbooks (fonts and quality of paper), wall paint and blackboards among other things. For the first time this was discussed both by the specialists*

*and society, which led to a significant improvement in the sanitary and hygiene conditions in colleges and in the students' health.*

*Because of the doctors' and other staff's efforts, the Mariinsky establishment had achieved great success in keeping and improving the students' good health. The next step was to spread the gained experience and awareness further.*

*Keywords: historical anthropology, cultural history, daily city life, women's education, patriarchy, modernization, hygiene and sanitation, department/establishment of empress Maria, closed women's colleges*